

ИСТОРИЯ РУЖЬЯ МАСТЕРА МАРТЬЯНА МУРАШОВА

В Арсенале Государственного Эрмитажа хранится дульнозарядное ружье с капсюльными замками и откидным штыком мастера М. Мурашова (инв. № З.О.-623). Оно неизменно привлекало внимание хранителей своими конструктивными особенностями и исполнением, но исследователи не располагали сведениями о мастере, точном времени изготовления и о происхождении экспоната.

Это ружье было упомянуто А. И. Тарасюком в его обзорной статье¹; Леонид Ильич не внес его в свой альбом² ввиду отсутствия сведений о предмете. Фамилия мастера и название города – Москва – появились в указателе «Der Neue Stöckel» в таком виде: «**MURASCHOV M., Moskva/SU, ca 1850. Q 211**»³.

В 1990 году ружье в рамках выставки «Художественное оружие России XVII–XIX веков» экспонировалось в замке-музее в городе Мальборк (Польша). Перед выставкой оно прошло реставрацию, при разборке новых данных выявлено не было. Сохранность экспоната достаточно хорошая, но общее впечатление от ружья несколько снижается из-за отсутствия капсюльных пеньков, вывернутых в 30-е годы XX века сотрудниками НКВД⁴.

Капсюльное ружье снабжено горизонтально расположенными нарезными стволами, планка и стволы без надписей. Стволы, спусковые крючки и прочие стальные детали вороненые. Неравномерное воронение свидетельствует о кустарной выделке этого экспоната. На правой замочной доске, в овале, украшенном гравированными веточками с длинными листьями, резная надпись: *М: МУРАШЕВЪ* (ил. 1); на левой стороне в таком же обрамлении: *ВЪ МОСКВЪ* (ил. 2). (Буква «ѣ» в конце слова «Москве» выглядит как русская буква «П» с добавленным справа внизу кружочком, так далеко влево прорисован хвостик и загнут до линии строчки.) Мощный четырехгранный штык складывается (на шарнире), и его конец зажимается скользящей задвижкой, укрепленной на ложе под замком. В рабочее состояние штык приводится при помощи задвижки, он быстро выбрасывается за счет сильной пружины шарнира и самостоятельно закрепляется на стальном крючке-затворе (ил. 3–6).

Массивная ложа выполнена из ореха, в прикладе имеется пенал со стальной вороненой крышкой, которая откидывается на шарнире. Ее край немного выступает над поверхностью затыльника для удобства открывания. Шомпол сделан из палисандра; головка и наконечник шомпола – латунные.

Ил. 1. Правая замочная доска

Ил. 2. Левая замочная доска

Ил. 3. Ружье с откинутым штыком

Ил. 4. Ружье со сложенным штыком

Ил. 5. Подпружиненный механизм штыка

Ил. 6. Крепление штыка

Общая длина предмета – 119 см; длина стволов 78 см. Калибр 12 мм.

Длина с открытым штыком – 162 см.

Вес ружья с шомполом – 5002 гр (5 кг 2 гр).

Длина шомпола – 77,2 см.

Длина штыка в сложенном состоянии – 57,8 см.

Выступающая длина штыка – 41,8 см.

Это добротное ружье, скорее всего, было предназначено для охоты на медведя. Оно имеет соразмерные пропорции и не перегружено лишним декором. Вероятно, стволы с четырьмя почти прямыми нарезами (виток составляет всего 90 градусов) были заказаны мастером в частной мастерской при каком-то производстве. В его конструкции имеется еще одно свидетельство кустарной работы: подобные стволы и замки изготавливались для переломных двуствольных охотничьих ружей, которые заряжались с казны. Это ружье дульнозарядное, а брандтрубки ввинчены не в стволы, а в замочный блок, прилегающий к стволу.

Возможно, что с нехваткой сведений о предмете исследования мы бы со временем смирились, но тут вмешался господин случай. В Российском государственном историческом архиве автор обнаружил документы, которые относятся к истории создания этого экспоната, что позволило не только уточнить время его изготовления и полное имя московского мастера, но и выяснить обстоятельства поступления в коллекцию.

В сентябре 1864 года «оружейный мастер», как он именуется в документах, Мартьян Мурашов предпринял попытку разыскать следы ружья, поднесенного им (как он считал) в дни коронации Александру II через графа Эдуарда Трофимовича Баранова (второго)⁵ в 1856 году⁶. В своем прошении императору оружейник подробно описал обстоятельства создания ружья. Письмо датировано 4 сентября 1864 года.

«Всепресветлейший Державный Великий Государь Императоръ.

В 1847 году отправился я, с Его Сиятельством князем Борятинскимъ вЪ Незапную крепость на Кавказъ, в полкъ кабардинский, где представилъ Его Сиятельству выдуманное мною, собственно, двухствольное, с откиднымъ штыком, ружье, которое по осмотру Его Сиятельства съ другими на Кавказе Начальствующими оказалось довольно верным, за что ими и одобрено. В 1856 году по приказанию Его Сиятельства, князя Борятинского я сделал такое же ружье, для представления Вашему Императорскому Величеству в день священнаго коронования Вашего ружье это для поднесенияже Вашему Величеству было мною представлено Графу Баранову и поспросу Его Сиятельства цѣна ружья, назначена мною 200 руб. серебромъ и о выдаче этих денег мною были поданы два прошения Его сиятельству и последнее из них в 1860 году, но и досих поръ денег этих мною не получено.

Нежаловаясь на начальство осмеливаюсь Всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество обратить Монаршее внимание на верно-поданическое мое прошение.

Вашего Императорского Величества Верноподданный оружейный мастеръ безграмотный Мартыянъ Ананьевъ Мурашёвъ.

Жительство имею Тверской части 1-го квартала в доме Г. Миротворцева въ Москвѣ».

Факты, изложенные в письме Мурашова, не противоречат официальной биографии генерал-фельдмаршала русской армии князя Александра Ивановича Барятинского (1814–1879), который молодым офицером оказался в зоне боевых действий на Кавказе, в 1835 году был тяжело ранен, вернулся в Петербург для лечения. Около 10 лет он служил при Дворе, сопровождал великого князя Александра Николаевича в его путешествиях. В 1845 году он вернулся на Кавказ командующим 3-м батальоном Кабардинского егерского полка. В начале 1846 года в Польше (по пути на лечение на водах) Барятинский по просьбе И. Ф. Паскевича командовал летучим отрядом при подавлении мятежа. В конце февраля 1847 года его назначили командиром Третьего Кабардинского полка, одновременно он был произведен во флигель-адъютанты. Карьерный рост Барятинского был связан не только с его родовитостью, но и с качествами полководца и администратора. В 1848 году он был произведен в генерал-майоры, командовал рядом военных подразделений и был начальником левого фланга Кавказской линии. В 1853 году он стал генерал-адъютантом и начальником Главного штаба на Кавказе. В войне с Турцией он был командующим действующим корпусом, в 1856 году получил должность командующего Гвардейским резервным пехотным корпусом. Александр II после своего воцарения в том же 1856 году назначил Барятинского командующим Кавказским корпусом и своим заместителем на Кавказе. Огромная заслуга Александра Ивановича перед Россией и народами Кавказа в том, что ему удалось с почетом завершить войну, длившуюся 25 лет. За свои успехи Барятинский был удостоен орденов Святого Георгия 2-й степени, святого Андрея Первозванного, почетного звания шефа Кабардинского полка, а также генерал-фельдмаршальского чина. В конце 1862 года его просьба об отставке была удовлетворена императором, и князь Барятинский навсегда покинул Кавказ. Он оставался членом Государственного Совета и состоял в переписке с Александром II до самой своей смерти.

Крепость Внезапная (из письма: «въ Незапную»), где в 1847 году Мартыян Ананьевич Мурашов показывал изобретенное им ружье, располагалась между реками Аксай и Сулак, на юго-востоке так называемой Кавказской линии, и находилась в зоне боевых действий. Остается только догадываться, каким образом встретились А. И. Барятинский и М. А. Мурашов и почему оружейный мастер сопровождал князя. Тем не менее эта встреча, сыгравшая роковую роль в судьбе Мурашова, состоялась. Возможно, он надеялся получить заказ на производство подобных ружей, предназначенных для охоты на крупного зверя. Правдивость слов оружейника о том, что

А. И. Бярятинский приказал изготовить один экземпляр для поднесения Александру II в дни коронации, а также тот факт, что Мурашов получил аудиенцию у графа Э. Т. Баранова перед коронацией и сам определил сумму желаемой денежной компенсации, не вызывая у нас сомнений.

Прошение Мурашова вызвало большой переполох при Дворе. Письмо поступило к исполняющему обязанности «статс-секретаря у принятия прошений на Высочайшее имя» Н. С. Гаевскому⁷, который 5 октября 1864 года отослал письмо-запрос за № 8214 министру Императорского двора В. Ф. Адлербергу⁸ с препровождением письма Мурашова. 16 октября последовал ответ, подписанный В. Ф. Адлербергом, за № 4032, о том, что поскольку в делах Министерства Императорского двора «нет никаких сведений о поднесенном оружейным мастером Мурашевым в 1856 году Императорскому Величеству ружье с „откладным штыком“, то и всеподданнейшую просьбу Мурашева следует передать Генерал-Адъютанту Графу Баранову 2-му, через которого Мурашев представлял означенное ружье»⁹. Были получены справки из секретной части, из Канцелярии о том, что в делах этих структур также никаких сведений не имеется¹⁰.

27 октября 1864 года Н. С. Гаевский отослал прошение Мурашова графу Эдуарду Трофимовичу Баранову, который принял контрмеры, чтобы обезопасить себя от возможного гнева Александра II.

Почти полтора месяца понадобилось графу Баранову, чтобы отыскать ружье, которое, возможно, находилось и не в Петербурге. 9 декабря 1864 года, через восемь лет после коронации Александра II, ружье было, наконец, показано императору, о чем 10 декабря Баранов сообщил министру Императорского двора: «9 декабря сего года я имел счастье поднести Государю Императору двуствольное со штыком ружье, работы *Тульского* (ошибка Баранова; курсив наш. – М. З.) оружейного мастера Мурашова, которое, по неизвестности кем было прислано, оставалось у меня по сіе время. Препровождая при семъ ружье, – имею честь уведомить Вас Милостивый Государь, что Государю Императору благоугодно было повелеть передать его Вашему Сиятельству для доклада Его Величеству; при семъ считаю долгом довести до сведения Вашего, что Мурашев ценит означенное ружье в 200 руб. сер.»¹¹.

На этом письме слева вверху имеется резолюция: «Высочайше повелено ружье передать в арсенал Собственного Е. В. Дворца, а оружейнику Мурашову пожаловать из Кабинета 200 рублей. 17 декабря 1864 г.».

11 декабря 1864 года граф Баранов вернул статс-секретарю Н. С. Гаевскому прошение Мурашова и написал: «...между ружьями, находящимися у меня, я отыскал двухствольное, с откидным штыком ружье и 9-го числа сего месяца имел счастье поднести Государю Императору». И далее он сообщал: «Его Величество повелел передать оное Министру Императорского двора, до окончательного распоряжения, при семъ долгом

считаю присовокупить, что о цене, назначенной ружью, сообщено Графу В. Ф. Адлербергу»¹².

Таким образом, резолюция на письме Баранова могла появиться между 11 и 17 декабря, только после того, как министр Императорского двора доложил Александру II о ружье.

Такая суета и желание быстрее разобраться с жалобой объясняются очень тесными родственными связями графа В. Ф. Адлерберга и графа Э. Т. Баранова: Баранов был племянником министра Императорского двора.

В письме от 25 декабря 1864 года за № 5130 министр Императорского двора уведомил оружейного мастера Мартьяна Мурашова «вследствие всеподданнейшего прошения его, что Государь Император... Всемилоиво соизволил пожаловать ему двести рублей из Кабинета Его Величества, об отпуске коих распоряжение уже сделано»¹³.

В Арсенал Собственного дворца экспонат поступил 11 февраля 1865 года. Рапорт об этом составлен на бланке под грифом *Министерство Императорского двора. Собственные Его Величества Арсеналы и Библиотеки* заведующим Собственными Его Величества арсеналами и библиотеками действительным статским советником П. А. Морицем¹⁴.

Таким образом, на основании архивных материалов можно совершенно определенно сказать, что исследуемое ружье было изготовлено как коронационный подарок мастером-изобретателем Мартьяном Ананьевичем Мурашовым в 1856 году. Оно не было своевременно представлено Александру II и, возможно, по этой причине не попало в Егермейстерскую контору к другим охотничьим ружьям императора. Ему была уготована другая судьба, оно попало в коллекцию Государственного Эрмитажа в 1922 году из Арсенала Аничкова дворца.

Представленное на суд А. И. Барятинского в 1847 году ружье было, по всей видимости, подобным эрмитажному. Однако наш экземпляр точно датируется 1856 годом, так как он был специально подготовлен Мурашовым. Возможно, ему пришлось покупать не только стволы, но другие детали, в том числе и штык. За 17 лет, которые прошли со встречи М. А. Мурашова с А. И. Барятинским, и за восемь лет, которые прошли с момента передачи ружья Э. Т. Баранову, это ружье устарело, стало архаическим образцом огнестрельного оружия и уже не представляло интереса для Императорской охоты.

Александру II были завещаны арсеналы его дяди, великого князя Михаила Павловича, и его отца, императора Николая I. Он стал владельцем очень значительной оружейной коллекции, в которой оказалось оружие, принадлежавшее и Александру I, и великому князю Константину Павловичу.

Арсенал Аничкова дворца с 1817 по 1827 год являлся местом хранения собрания Николая Павловича, отца Александра II. В 1827 году большая

часть экспонатов была перевезена в Царское Село и размещена в Александровском дворце. Однако Арсенал Собственного Его Императорского Величества дворца продолжал существовать; с середины XIX века в нем хранились военные мундиры и личное оружие членов императорской семьи. В 1922 году Арсенал Аничкова дворца упразднили, и коллекция была разделена между музеями.

¹ *Tarassuk L.* The collection of arms and armour in the State Hermitage, Leningrad // Journal of the Arms and Armour Society. 1996. Marz. Vol. 5, Nr. 4/5. S. 254.

² *Тарасюк А.* Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа : Европа и Северная Америка. Л., 1971.

³ *Heer E.* Der Neue Stöckel : Internationales Lexikon der Büchsenmacher, Feuerwaffenfabrikanten und Armbrustmacher von 1400–1900 : 33000 Namen, 6500 Marken und Zeichen aus 32 Ländern. Bd. 2. Schwäbisch Hall, 1979. S. 845.

⁴ НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

⁵ Эдуард Трофимович Баранов (16.12.1811 – 22.07.1884) и его двоюродный брат граф А. В. Адлерберг (01.05.1818 – 22.09.1888; сын В. Ф. Адлерберга) были друзьями Александра II с детских лет. Баранов сопровождал Александра II в ходе коронации с 3 августа по 19 сентября 1856 года. Его карьера стремительно развивалась в царствование Александра II: в апреле 1855 года он был пожалован в генерал-адъютанты, в сентябре 1856-го был назначен начальником штаба Отдельного Гвардейского корпуса, в августе 1857 года получил чин генерал-лейтенанта. В апреле 1866 года был назначен лифляндским, эстляндским и курляндским генерал-губернатором и командующим войсками Рижского военного округа. В октябре того же года – виленским, ковенским, гродненским и минским генерал-губернатором, главным начальником Витебской и Могилевской губерний и командующим войсками Виленского военного округа. В марте 1868 года стал членом Государственного Совета. 30 августа 1869 года был произведен в чин генерала от инфантерии. В 1871 и 1874 годах был временным управляющим Министерства Императорского двора и уделов. 6 июля 1880 года присутствовал в качестве свидетеля на венчании Александра II и княжны Екатерины Долгорукой.

⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 5. Д. 178. Л. 10 – 10 об.

⁷ Николай Семенович Гаевский (1827–1891). См.: *Великий Князь Николай Михайлович*. Петербургский Некрополь. Т. 1. СПб., 1912. С. 522.

⁸ Владимир Федорович Адлерберг (1792–1884) – министр Императорского двора и уделов с 1852 по 1870 год.

⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 5. Д. 178. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 3–4.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² Там же. Л. 9.

¹³ Там же. Л. 12.

¹⁴ Там же. Л. 13.

РИТУАЛЬНЫЙ ШВЕДСКИЙ МЕЧ ОБРАЗЦА 1657 ГОДА В ФОНДАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ВОЕННО-МОРСКОГО МУЗЕЯ

В Центральном военно-морском музее хранится старинный шведский меч (инв. № 8544) – трофей, завоеванный россиянами в бою со шведами в 1703 году. Был передан капитан-бомбардиру Петру Михайлову (императору России Петру I). Он поступил в музейный фонд из Гидрографического депо Главного штаба русского флота 19 января 1825 года¹.

Оружейные специалисты Морского музея России того периода произвели техническое описание этого меча, однако они не занимались изучением его истории.

Клинок стальной, прямой, имеет двустороннюю заточку и завершается обоюдоострым боевым концом. Длина клинка 70 см, ширина 6 см, с одной долой длиной 16 см и шириной 2 см. Меч изготовлен в Швеции мастером Вундесом в городе Вира в 1657 году. Это подтверждается наличием надписей на клинке и рукояти меча: *ME FECIT WIIRA* («Я сделан в Виира») – и клейма мастера Вундеса в виде трех профилей человеческой головы с коронами. Кроме того, на клинок нанесена дата изготовления: *ANNO 1657*. Деревянная рукоять меча обтянута черной кожей и 12 витками крученой проволоки. Головка рукояти железная с утолщенным ободком.

С момента поступления меча в музей прошло более полутора столетий, однако его история все еще оставалась неизученной. Ее исследованием начали заниматься лишь в 1986 году. Инициатором и исполнителем поисковой работы стал автор статьи. Настойчивый и последовательный поиск документов в государственных архивах и их изучение начали проливать свет на загадочную историю меча. Вскоре выяснилось, что такие ритуальные мечи находились на вооружении командиров кораблей шведского военного флота.

Уже в начале Северной войны российские войска провели ряд успешных операций по овладению крепостями противника Нотебург и Ниеншанц. Шведы, пытаясь сохранить свой последний бастион на пути прорывающихся к Балтийскому морю российских войск, выслали в устье реки Невы эскадру на помощь осажденному гарнизону крепости Ниеншанц. В составе шведской эскадры находилось девять боевых кораблей под командованием вице-адмирала Нуммерса.

5 мая 1703 года корабли шведской эскадры подошли к устью Невы и встали на якоря. Впереди шведских кораблей на реке Нева находилась Синефлагская отмель. Ее сумели благополучно преодолеть лишь два малых шведских судна (10-пушечный бот «Гедан» и 8-пушечная шнява

«Астрильд»), которые вошли далее в устье реки Невы и встали на якоря. Шведы не знали, что их крепость Ниеншанц уже была взята накануне российскими войсками. Получив доклад о приходе в Неву шведских кораблей, генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев принял решение захватить «Гедан» и «Астрильд», для чего было выделено две роты гвардейцев. Роту Преображенского полка на 13 лодках возглавил капитан-бомбардир Петр Михайлов (Петр I), а роту Семеновского полка на 17 лодках возглавил поручик-бомбардир А. Д. Меншиков².

7 мая 1703 года ранним дождливым утром лодки с гвардейцами Преображенского и Семеновского полков двинулись на веслах вниз по течению реки Невы в расположение вражеских кораблей. Однако шведы их быстро обнаружили.

На шведских кораблях прозвучали сигналы боевой тревоги, и начался артиллерийский и ружейный обстрел подходящих лодок с российскими бойцами. Пушечные выстрелы, свист картечи, разрывы гранат и ружейная стрельба – все слилось в смертоносный гул.

Однако, несмотря на ураганный обстрел противником российских лодок, расстояние до вражеских кораблей быстро сокращалось. Последнее усилие – и лодки подошли к высоким бортам шведских кораблей. Одним из первых на палубу «Астрильда» взобрался капитан-бомбардир Петр Михайлов. Его высокая фигура с поднятой в руке шпагой была хорошо видна с лодок. Как впоследствии говорили очевидцы, «царь сражался с неприятелем отчаянно, не щадя своей монаршей милости»³. Кроваво-пролитная рукопашная борьба завершилась полной победой российских моряков.

Почти одновременно на двух шведских кораблях были спущены национальные флаги и подняты стяги победителей. Таким образом, были захвачены в абордажном бою два военных корабля, вооруженных 18 пушками⁴.

В этом бою шведы потеряли 77 человек, в числе которых: командиры обоих кораблей, один штурман и 55 нижних чинов. В плен было взято 19 человек. Потеряв два корабля, шведская эскадра адмирала Нуммерса вынуждена была возвратиться в Швецию. Так завершился первый абордажный бой российских моряков со шведскими воинами. Теперь путь России в Балтийское море был открыт. Боевая деятельность капитан-бомбардира Петра Михайлова и поручик-бомбардира Александра Меншикова была высоко оценена генерал-фельдмаршалом Б. П. Шереметевым. Их наградили орденами Святого Андрея Первозванного. Вручение наград было доверено первому кавалеру этого высшего российского ордена – Федору Алексеевичу Головину.

В начале 2000 года из Центрального военно-морского музея в адрес посольства Швеции в Москве был отправлен запрос с просьбой пояснить

историю шведского меча образца 1657 года. Так получилось, что спустя месяц автору статьи стало известно, что профессор П. А. Кротов (Санкт-Петербургский государственный университет) случайно обнаружил в Архиве Российской академии наук важный документ (инв. № V-2343). В нем значилось, что командир бота «Гедан» – первый поручик Килиан Вилгельмс (раненый в бою при abordаже) – завершил свою жизнь 8 мая 1703 года⁵. Кроме того, в этом же документе сообщалось, что переданный Петру I завоеванный в бою меч ранее принадлежал поручику Вилгельмсу. Петр принял решение сохранить этот меч как память о столь отважном воине⁶.

Вскоре из Москвы пришел ответ⁷ на запрос. Бюро военных атташе посольства Швеции сообщало, что на отправленные ими ранее запросы в адрес генерального инспектора Военно-морских сил Швеции контр-адмирала Линда Торсена и капитана 1-го ранга Суне Бирке, а также в Государственный оборонительно-исторический музей получены ответы. В присланном документе указывалось, что большие мечи в Швеции в XVI–XVII веках являлись символами командирской власти. В сухопутных войсках Швеции их перестали использовать после Тридцатилетней войны (1618–1648), а на кораблях шведского флота этими мечами под названием «адмиральские» пользовались морские офицеры до середины XVIII века⁸. Специалисты-историки Военно-морских сил Швеции полагают, что такие мечи в XVII–XVIII веках были должностными атрибутами. Кроме того, они использовались и командирами военных судов. По документам XVIII века, на каждом корабле, вооруженным 70-ю и более пушками, полагалось иметь два таких меча (у командира и старшего офицера), а на судне с вооружением от 20-ти до 69 пушек – один меч. В 1738 году в Швеции было принято решение наделять такими мечами и командиров галер, яхт и других малых судов. В настоящее время архивными документами подтверждено, что существовало три разновидности этих ударных мечей – образца 1657-го, 1738-го и 1744 годов. В музейных коллекциях Швеции сохранилось девять мечей образца 1657 года, 19 – образца 1738 года и семь – 1744 года. Не исключено, что подобные мечи сохранились и в частных коллекциях любителей оружия.

Вышеописанная история позднее способствовала установлению в Петербурге праздничной традиции. По указанию Петра I в период морского праздника в Петербург начали приводить захваченные в бою вражеские корабли. Эти корабли в качестве боевых трофеев российского флота ставили на якоря перед Петропавловской крепостью. Первыми «призами» на Неве оказались шведские суда «Гедан» и «Астрильд». В дальнейшем после каждого морского сражения на водную гладь к Петропавловской крепости приводили захваченные в бою вражеские корабли. Так, после

победоносного завершения Гангутского сражения (1714) к Петропавловской крепости привели шведский фрегат «Элефант», шхерботы «Флюдра», «Симпан», «Мортан» и шесть галер. После Эзельского сражения (1719) был приведен на Неву и поставлен на якорь шведский фрегат «Карлскрон-Вапен».

Здесь же побывали шведские шнявы «Крефт» (1712) и «Полукс» (1717), а после Гренгамского боя (1720) – фрегат «Данск-Эрн» и галиот «Эвва Элеонора».

После завершения праздника все трофейные корабли уводили в Кронверкскую протоку на постоянную стоянку. Во время царствования Анны Иоанновны 20 марта 1732 года было принято решение в целях сохранения от порчи этих «призовых» кораблей взятые суда (17 единиц) содержать на берегу «в добром хранении... для памятования и славы».

Как всем известно, эта традиция приводить корабли к Петропавловской крепости на праздник сохранилась до настоящего времени.

¹ РГА ВМФ. Ф. 578. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

² Под Андреевским флагом. 1994. № 1. С. 13.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ АРАН. № V-2343.

⁶ Петр Великий : Воспоминания : Дневниковые записи : Анекдоты. СПб., 1993. С. 32. (Государственные деятели России глазами современников.)

⁷ № 9196 80/00 от 2 марта 2000 года.

⁸ *Holmbery E. Vår flottas fallna och fångna karoliner : Karolinska förbundets Årsbok 1915.* Lund, 1916. S. 1, 2.